

Битва миров Часть 2

Максим
Владимирович

Максим Байков
Битва миров. Часть 2
Серия «Сингулярность», книга 2

<https://litres.ru/73933856>

SelfPub; 2026

Аннотация

Захватывающий роман о группе талантливых подростков, которые обнаруживают в себе способность изменять реальность. Главный герой Максим и его друзья — Лейла, Арц, Коля и Василина — учатся в элитном инженерном классе, но их настоящая миссия гораздо опаснее обычных школьных экзаменов.

Используя древние кристаллы и особые браслеты, ребята научились путешествовать между мирами и бороться с силами хаоса, угрожающими их реальности. Но когда они решают сделать перерыв и отдохнуть за городом, происходит нечто ужасное — их затягивает в бездну между мирами, где правит могущественная сущность по имени Энтропия.

Теперь Максиму предстоит в одиночку противостоять силам, стремящимся стереть его друзей из реальности. Он должен найти способ вернуть их и победить древнего врага, который считает себя воплощением самого закона хаоса.

В книге переплетаются научная фантастика, мистика и психологическая драма. Автор исследует темы взросления, дружбы, ответственности и борьбы со своими страхами.

Содержание

Глава 1. Почти уверен.	5
Глава 2. Все хорошо.	8
Глава 3. Школа.	11
Глава 4. ЕГЭ.	14
Глава 5. Теплый вечер.	17
Глава 6. Учеба.	20
Глава 7. Сильная учеба.	23
Глава 8. Отношения.	27
Глава 9. Может отдохнуть.	30
Глава 10. Экзамены.	34
Глава 11. Последний тост перед тишиной.	38
Глава 12. Что - то не так.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Максим Байков

Битва миров. Часть 2

Глава 1. Почти уверен.

Лес был не похож на те, где мы бывали в походах. Деревья здесь росли под странными, неестественными углами, а небо напоминало разлитое чернильное пятно. Было тихо — настолько, что я слышал собственный пульс. Это была тишина, от которой закладывает уши.

Я знал, что иду куда-то, хотя не помнил, как здесь оказался. Ноги вязли в опавшей хвое, которая на ощупь была похожа на холодный песок.

Фигура возникла метрах в десяти. Она просто «была» там, будто всегда стояла в тени между двумя искривленными стволами. Она не выделялась — скорее, вырезала дыру в пространстве, поглощая свет вокруг себя.

Я остановился. Горло сжало спазмом, но я всё же выдавил: — Кто здесь?

Фигура не шелохнулась, но я почувствовал, как по коже пробежал холод. Это не был страх — скорее, острое, почти болезненное чувство чужеродности. Будто рядом со мной стояло что-то, чему не место в этом мире.

— Ты всё ещё пытаешься всё посчитать, — голос прозвучал

чал не снаружи, а прямо у меня в затылке. В нем не было злости, только бесконечная, тягучая усталость. — Ты думаешь, что если провел черту, то она удержит тебя внутри?

Я сделал шаг назад, но земля под ногами вдруг стала podatливой, как тонкий лед.

— Я не знаю, о чем ты, — ответил я, чувствуя, как внутри нарастает раздражение.

— Знаешь, — ответило существо. — Ты берешь осколки того, что было сломано, и пытаешься собрать из них каркас. Но каркас не делает тебя сильнее. Ты лишь создаешь иллюзию, что всё под контролем. Пока ты занят этим, трещины становятся глубже.

Мир вокруг внезапно вздрогнул. Четкие контуры деревьев начали «плыть», исказиться, как отражение в разбитом зеркале. Звуки пропали совсем, остался только низкий гул, от которого заболели зубы.

— Скоро, — прошелестело существо, и я почувствовал, как этот звук проникает прямо в кости. — Скоро ты перестанешь видеть разницу.

Всё вокруг рассыпалось в серую пелену, которая сжалась до размеров точки, а потом лопнула.

Я рывком сел в постели.

В комнате было темно и душно. За окном — серые многоэтажки Москвы, припорошенные ночным снегом. На столе — тетрадь с расчетами по физике и недописанная курсовая.

Я тяжело дышал, глядя на свои руки. Браслет на запястье

в полумраке слабо пульсировал, словно второе сердце. На коже еще оставалось ощущение холода того леса.

На часах было 3:14. В квартире стояла мертвая тишина, но мне казалось, что кто-то всё еще стоит в углу комнаты, в самой густой тени шкафа.

Глава 2. Все хорошо.

Я долго смотрел на свои руки, прежде чем решиться встать. Кожа под браслетом всё ещё зудела. Утренний свет Москвы — грязновато-желтый — неприятно резал глаза. Я потянулся за своим кашемировым свитером темно-синего цвета, привычно проверив, чтобы рукав плотно скрывал металл браслета. Стилль «old money» — не мой выбор, а необходимость: в нашей школе все выглядели так, будто только что сошли со страниц журнала про яхтенный спорт. Сдержанность, качество, никакой вычурности.

Я привычно закинул в рюкзак планшет с чертежами. Последний год в инженерном классе — это постоянная гонка. Или ты строишь будущее, или оно хоронит тебя под грудой задач.

Кофейня «Зерно» встретила меня сдержанным шиком интерьера. За нашим угловым столом сидели все: Лейла в кремовом шерстяном кардигане, Коля в безупречно отглаженной оксфордской рубашке, Василина, Арц и Серый. Я заказал капучино, чувствуя на себе внимательный взгляд Серого — он, как обычно, сидел вполоборота к окну, молчаливый, в кашемировой водолазке глубокого серого цвета.

— О, явился, — Арц, широкоплечий парень, который даже в свитшоте выглядел как скала, хлопнул меня по плечу так, что я чуть не выронил стакан. — Чё, Макс, всю ночь

опять с браслетом возился? У тебя вид такой, будто ты в лифте на девятый этаж в шахте ехал.

— Спокойнее, Арц, — Коля поправил очки, не отрываясь от планшета. — Макс просто настраивал синхронизацию. После того, как мы распилили тот кристалл в гараже, это стало критически важно. Если хоть у одного из нас «частота» поплывет, нас в другом мире так размажет, что по стенам собирать придется.

— Зато какая тренировка для вестибулярного аппарата, — хмыкнул Арц. — У нас в Сибири так медведей в лесу учат равновесие держать.

— Не сравнивай, — Василина посмотрела на меня, её взгляд был тревожным. — Ты же знаешь, что это не просто тренировка. Мы чистим те зоны, где остались тени Разрушителя. Если мы их не уберем сейчас, к выпускному они прорастут здесь.

Лейла коснулась моей руки, и тепло её пальцев на мгновение заглушило неприятный зуд от браслета под свитером.

— Мы успеем, — сказала она уверенно. — Мы ведь инженеры, верно? Всё можно посчитать и исправить.

Я кивнул. Мы были связаны — пять точек, удерживающих равновесие в мире, который только и ждал, чтобы дать трещину. Мы превратили случайную магию в точную науку: в гараже у Коли мы встроили куски того проклятого кристалла в наши браслеты и теперь использовали их как квантовый передатчик.

— Пора, — сказал я, допивая кофе. — Если опоздаем на урок, наш физик устроит нам такой «разбор полетов», что никакой портал не спасет.

Мы вышли на улицу. Арц продолжал шутить, Коля спорил с Василиной о стабильности сигнала, а Серый шел чуть позади всех, сканируя пространство — даже не оглядываясь, я чувствовал, как он «держит» нашу группу, словно живой охранный контур. Мы шли к школе — обычные одиннадцатиклассники в дорогих сдержанных вещах, и только мы знали, что наши браслеты хранят частоту, от которой зависит само существование реальности.

Глава 3. Школа.

Школа для нас была не просто местом, где коротают время до звонка. Это был полигон. Мы учились в инженерном классе, где стандартный уровень нагрузки заставлял большинство наших одноклассников висеть на грани нервного срыва, но для нас это была лишь база, фундамент.

На первом уроке — лабораторный практикум по физике — преподаватель задал задачу по моделированию квантового туннелирования. Большинство в классе уткнулись в калькуляторы, мучительно пытаясь подогнать ответ под стандартные константы. Мы с Колей переглянулись. Для нас «туннелирование» не было абстрактной теорией из учебника. Мы видели эти эффекты в реальности, когда использовали браслеты.

— У них ошибка в базовом уравнении, — тихо прошептал Коля, не глядя на экран своего монитора. — Они пытаются вычислить вероятность перехода, игнорируя коэффициент энтропии в узловых точках.

Я лишь кивнул, не отрывая взгляда от кода. Мы с легкостью «подправляли» расчеты, делая вид, что просто используем продвинутые алгоритмы. На самом деле мы проводили проверку: насколько наши браслеты синхронизированы с текущим пространством-временем.

Затем была «Технология современного производства».

Мы работали на высокоточных станках ЧПУ, собирая прототипы манипуляторов. Арц, несмотря на свои шутки, работал с металлом с пугающей точностью. Его сибирская хватка в сочетании с инженерным расчетом превращала кусок алюминия в деталь с идеальными допусками, которые невозможно было достичь вручную.

— Слишком много шума в приводе, — проворчал Арц, откладывая штангенциркуль. — Чувствую резонанс на частоте 400 герц. Нужно убрать вибрацию.

— Уберем, — ответил Серый. Он почти не говорил, но стоило ему прикоснуться к панели управления, как станок заурчал ровно, без лишних паразитных вибраций. Серый был мастером тонкой настройки: он чувствовал «характер» любого механизма, будто входил с ним в резонанс.

Василина и Лейла в это время занимались проектированием систем передачи данных. Они сидели за одним терминалом, их пальцы летали по клавишам. Они разрабатывали защищенный протокол связи, который выглядел как обычная защита сети, но внутри него был спрятан наш «ментальный канал».

— Макс, проверь входные данные, — Василина посмотрела на меня через плечо. — Мы должны сделать так, чтобы даже при случайном всплеске частоты, система просто гасила сигнал, а не пробивала дыру в реальности.

Я подошел к ним. Это была высшая инженерия: создание безопасности для того, чего официально не существовало.

Мы были «золотой молодежью» в кашемировых свитерах, которая вместо того, чтобы обсуждать вечеринки, создавала протоколы для защиты мира от распада.

Каждый наш шаг, каждое движение в мастерской было выверено. Мы не просто учились — мы калибровали себя, свои навыки и свое единство. Учителя ставили нам высшие баллы, даже не догадываясь, что эти «гениальные» студенты в этот момент буквально перекраивают реальность на микроуровне, чтобы Энтропия не нашла лазейку в школьном расписании.

К концу дня я был выжат. Учеба требовала колоссальной концентрации, но именно эта рутина помогала держать голову ясной. Или, по крайней мере, я хотел в это верить.

Глава 4. ЕГЭ.

В кабинете истории стояла душная тишина. Учительница монотонно бубнила о реформах девятнадцатого века, а мы, в лучших традициях нашего «old money» стиля, сидели с безупречными осанками, делая вид, что конспектируем каждое слово.

На самом деле тетради были исписаны уравнениями, которые не имели никакого отношения к истории. Мы общались через наш защищенный телепатический канал — едва уловимый гул в затылке, который слышали только мы пятеро.

«Если на пробнике по профильной математике будет логарифм с основанием, которое я вчера считал в гараже, я просто встану и уйду,» — прозвучал в моей голове ироничный голос Арца.

«Не встанешь,» — отозвалась Лейла. «Ты уже третий год твердишь, что уйдешь, но на пробниках у тебя стабильно выше девяноста. Перестань нервничать, Арц, это только мешает синхронизации.»

«Я не нервничаю, я просто констатирую факт,» — парировал он. «ЕГЭ — это самый предсказуемый хаос из всех, что я видел. К нему хотя бы можно подготовиться.»

Я чувствовал, как внутри нарастает напряжение. Единый государственный экзамен стал для нас чем-то вроде линии

фронта. Взрослая жизнь, поступление в топовые вузы, ожидания родителей — всё это давило сверху, как бетонная плита, перекрывая доступ к нашей истинной цели.

«Макс, ты опять завис,» — вклинился в разговор Серый. Его присутствие в канале было самым устойчивым, как скала в шторм. «Ты считаешь не те переменные. ЕГЭ — это социальный фильтр. Наша задача — пройти его с минимальными энергозатратами, чтобы оставить ресурс на Энтропию.»

«Серый прав,» — добавила Василина. «Мы так боимся не сдать, что сами создаем вокруг себя поле неуверенности. А Энтропия питается именно этим. Вспомните, как раньше Разрушитель использовал наши сомнения. Сейчас он просто сменил тактику — он давит через наше будущее.»

Я посмотрел на Лейлу. Она сидела, аккуратно выводя каллиграфическим почерком даты в тетради, но я чувствовал, как дрожат её пальцы. Наша «идеальная» пара трещала по швам именно из-за этого напряжения. Мы пытались быть идеальными везде — в оценках, в отношениях, в борьбе с тьмой.

«Может, мы просто пытаемся контролировать слишком много вещей сразу?» — спросил я, обращаясь ко всем. «Может, в этом и есть наша главная ошибка?»

Коля, сидевший за соседним рядом, едва заметно кивнул, не отрываясь от учебника: «Ошибка в том, что мы боимся будущего больше, чем настоящего. А Энтропия — это и есть страх перед тем, что мы не сможем всё просчитать.»

Звонок прозвенел неожиданно резко, выдернув нас из ментальной перепалки. Мы синхронно закрыли тетради. В классе началось обычное оживление, одноклассники обсуждали ответы на тесты, строили планы на вечер.

Мы вышли из кабинета, сохраняя невозмутимый вид. Мы выглядели как те, у кого в жизни всё схвачено. Но я знал: за этим фасадом каждый из нас лихорадочно пытается успеть подготовиться к жизни, которая, возможно, закончится раньше, чем придут результаты экзаменов.

Глава 5. Теплый вечер.

Загородный поселок встречал нас тишиной, которая казалась почти осязаемой. Наш дом — массивное строение из камня и темного дерева — был тем единственным местом, где я мог хоть на пару часов отключить поток данных, текущий через браслет.

Дед ждал меня в библиотеке. Он сидел в глубоком кресле-качалке, а рядом, в массивном каменном камине, догорали поленья, отбрасывая на книги длинные, дрожащие тени. В комнате пахло кедром и малиновым чаем.

Я опустился в соседнее кресло, сбрасывая портфель с чертежами. За окном в темноте качались верхушки сосен, и на миг мне почудилось, что это те самые искривленные деревья из моего сна.

— Ты выглядишь как человек, который пытается удержать плотину пальцами, Максим, — голос деда был тихим, ровным, как гул трансформатора. Он даже не обернулся, продолжая смотреть на огонь. — Школа, экзамены, эти ваши игры с законом сохранения энергии... Не перегоришь?

— ЕГЭ — это лишь видимая часть, дед, — я сделал глоток горячего чая, чувствуя, как тепло растекается по телу. — Мы стараемся всё просчитать, выстроить систему, но она... сопротивляется.

Я рассказал ему про сон. Про фигуру в лесу, про этот

скрежет металла и про то липкое чувство, что за мной наблюдают из каждого угла. Дед слушал, не перебивая, лишь мерное поскрипывание полозьев кресла нарушало тишину библиотеки.

— В этом мире нет ничего случайного, — наконец произнес он, поворачиваясь ко мне. Его взгляд был острым, как скальпель. — То, что ты увидел — это не усталость. Это эхо системы. Ты считаешь, что «очищаешь» мир, но для реальности ты — аномалия, которая вносит порядок в естественный хаос.

— И что мне делать? — спросил я. — У меня ощущение, что чем больше я стараюсь, тем громче этот шум.

— Не упускай это, — дед отставил чашку. — Держи внимание. Не пытайся «исправить» этот шум, старайся понять, какую информацию он несет. Энтропия — это не просто враг. Это показатель того, что твоя система достигла пика сложности. Ты боишься сбоев, Максим. Ты боишься ошибки на экзамене, боишься ошибки в коде.

Он помолчал, слушая, как потрескивает огонь.

— Сбой — это момент, когда ты видишь истинную природу того, что строишь. Если хочешь победить, не пытайся стать совершенным. Стань наблюдателем. Тот лес... он не снаружи, он внутри. Твой страх перед хаосом и делает эту тень такой реальной.

Я смотрел на огонь, и слова деда ложились на мои мысли, как детали в исправный механизм. Я всё время пытался «за-

чистить» пространство, а он говорил о принятии.

— Держи внимание, — повторил дед. — Не отводи взгляд. Когда тень снова придет, не беги от неё. Просто смотри.

Я допил чай. В отблесках пламени мой браслет на запястье вдруг блеснул — коротко, почти как предупреждающий индикатор. Дед знал больше, чем показывал, и это знание давало мне хоть какую-то опору в мире, где всё — от ЕГЭ до самой реальности — казалось таким хрупким.

Глава 6. Учеба.

Утро в школе начиналось с привычного гула, но для нас этот гул перестал быть просто фоном. Мы шли по коридору: Серый — как всегда, чуть поодаль, Арц — в своей неизменной темно-зеленой водолазке, мы с Лейлой — в простых кашемировых джемперах, которые не стесняли движений. Никаких логотипов, никакой броскости. Только чистые линии, сдержанные цвета и осознание того, что мы — часть системы, которая сама себя пожирает.

— Помните начало десятого? — голос Арца прозвучал в нашем внутреннем канале, едва слышно, как далекий радиосигнал. — Когда мы только собрали первые браслеты? Кажется, мир открылся для нас, как конструктор. Любая задача, любая лабораторная — всё щелкалось, как орехи.

Я поймал себя на том, что механически поправляю браслет под рукавом. Да, тогда всё было иначе. Мы были экспериментаторами. Мы использовали наши способности, чтобы «срезать углы» в учебе, чтобы успевать делать работу за пятерых, чтобы понимать материал до того, как его озвучит преподаватель.

— Мы были как процессоры с избыточной мощностью, — отозвался Коля. — Нам казалось, что мы контролируем каждый электрон, каждый поток данных. Мы были уверены: если мы что-то осознали, значит, мы этим управляем.

Это была наша главная иллюзия. В начале пути всё казалось линейным. Мы вводили переменную — наши способности — и получали предсказуемый результат: успех, легкость, идеальные оценки. Мы даже не замечали, как постепенно усложняли структуру самих себя.

— А теперь? — Василина остановилась у окна, глядя на школьный двор. — Теперь каждое мое действие в канале отдает эхом. Я пытаюсь решить простую задачу по химии, а чувствую чью-то тревогу, чье-то ожидание... Это как если бы мы подключили наши нервные системы к общегородской сети, не поставив предохранители.

Я подошел ближе к ней. В этом вся суть: когда ты начинаешь взаимодействовать с хаосом, он начинает взаимодействовать с тобой. Мы учимся в инженерном классе, нас учат, что любая система стремится к равновесию. Но мы не учли, что равновесие в нашей новой жизни — это не покой. Это постоянное, изматывающее противостояние.

— Раньше учеба была инструментом, — сказал я, глядя на своих друзей. — Теперь учеба — это способ удержаться в реальности. Если я перестану решать задачи, перестану следить за графиками и допусками, я просто утону в том шуме, который транслирует Энтропия.

— Именно, — кивнул Серый, его голос прозвучал редко, но веско. — Раньше мы использовали силу, чтобы учиться. Сейчас мы учимся, чтобы сдерживать силу.

Мы двинулись дальше к кабинету физики. Учитель, ста-

рый сторонник классической школы, уже ждал нас. Задания на сегодня были на порядок сложнее, чем полгода назад. Уравнения Навье-Стокса, теория катастроф, нелинейная динамика... Раньше я бы решил это за минуту, даже не подключая канал. Сейчас же, глядя на доску, я видел не формулы, а живую, пульсирующую сеть вероятностей.

Каждый символ, который писал учитель мелом, отзывался в браслете легким покалыванием.

— Готовы? — спросила Лейла. Она не смотрела на доску, она смотрела на меня, и в её глазах я видел то же, что чувствовал сам: мы перестали быть просто отличниками. Мы стали операторами реальности, которые с трудом удерживают контроль над собственными фильтрами восприятия.

— Да, — ответил я, и мы вошли в кабинет.

Учеба больше не была легкой. Она стала тренировкой на выживание. Мы сидели за партами, стараясь выглядеть обычными учениками, но внутри каждый из нас вел невидимую войну с помехами, которые с каждой неделей становились всё агрессивнее. Мы были инженерами, запертыми в системе, которую мы сами начали перестраивать, даже не понимая, что в этой конструкции нет места для нас самих.

Глава 7. Сильная учеба.

График нашего учебного дня давно перестал подчиняться логике. Три урока матанализа, две физики, информатика... Мы чувствовали себя как процессоры, работающие на частоте, превышающей все допуски.

— Шесть часов чистой абстракции, — выдохнул Арц, глядя в тарелку с остывшим обедом. — Знаете, в чем проблема? Мы же инженеры. Мы привыкли к тому, что у любого процесса есть КПД. А наша учеба сейчас — это работа вхолостую, рассеивание энергии в никуда.

— Не в никуда, — тихо отозвался Коля. — В систему. Мы — открытые термодинамические системы, Макс. Мы поглощаем информацию, чтобы поддерживать свой внутренний порядок. Но если приток данных превышает предел пропускной способности каналов, система начинает нагреваться. Начинается деградация структуры.

Я кивнул, чувствуя, как внутри браслета что-то неприятно вибрирует.

— Это называется «тепловая смерть», — добавил я. — Только у нас она не наступит через миллиарды лет. Она наступит к концу семестра. Если мы не будем постоянно подпитывать наш порядок новыми знаниями — или, вернее, тем, что школа называет «учебой», — мы просто растворимся в хаосе.

Мы сидели в столовой, глядя друг на друга с тем чувством, которое бывает у людей, осознавших, что они — лишь переменные в чужом уравнении. Мы были «инженерной элитой», но каждый из нас чувствовал, как стремительно растет наша внутренняя энтропия.

В коридоре показался куратор. Он шел не как обычный учитель, а как системный администратор, проверяющий стабильность серверов. Когда он поравнялся с нами, он не просто остановился — он словно заблокировал пространство вокруг нас.

— Максим, — он посмотрел на меня, и его взгляд был лишен тепла. — Я видел ваши графики по квантовой физике. Вы работаете на пределе, но... вы не выдаете результата. Вы имитируете деятельность.

— Мы учимся, — ответил я, чувствуя, как от его слов по коже пополз холодок.

— Вы «выживаете», — поправил он, чуть склонив голову. — Вы пытаетесь сохранить свою автономность внутри жесткой структуры. Но система не терпит автономных узлов. Перед каникулами будут промежуточные экзамены. Аттестация по всем дисциплинам. Это не просто проверка знаний, это тест на пригодность. Если ваши показатели синхронизации с учебным планом не вырастут... вам придется пересмотреть свое место в этом классе.

— Мы не успеем подготовить такой объем, — тихо сказала Лейла. — Это нарушение всех законов распределения

нагрузки.

Куратор едва заметно улыбнулся — сухой, почти технической улыбкой.

— Закон сохранения энергии гласит: энергия не исчезает, она лишь переходит из одной формы в другую. Если вы не справляетесь, значит, вы расходуете её неэффективно. Возможно, вы тратите ее на вещи, которые не имеют отношения к учебному процессу? — он бросил быстрый взгляд на наши запястья, скрытые под тканью свитеров. — Подумайте об этом. Система всегда находит способ оптимизировать лишние затраты.

Он развернулся и ушел, а его шаги эхом отдавались в пустом коридоре, как удары метронома.

— Он знает, — прошептала Василина, когда он скрылся за поворотом. — Он знает про браслеты.

— Это не просто учитель, — Коля потер переносицу, за которой пульсировала усталость. — Он — часть «фильтра». Он проверяет, насколько мы готовы пожертвовать собой ради поддержания этой «стабильности».

— Он требует от нас полной интеграции, — я сжал кулаки, чувствуя, как браслет обжигает кожу. — Если мы сдадимся и станем такими, как все — мы потеряем способность видеть Энтропию. Если мы продолжим сопротивляться — он нас выдавит из системы.

— Мы заперты, — заключил Серый. — Либо мы станем частью алгоритма, либо нас удаляют как ошибку.

Я посмотрел на своих друзей. Каждый из них сейчас решал уравнение, в котором не было правильного ответа. Мы были инженерами, которые привыкли находить выход из любой задачи, но сейчас задача состояла в том, чтобы сохранить человечность в мире, который требовал от нас стать безупречным кодом.

— Мы будем учиться, — сказал я, чувствуя во рту привкус меди. — Но мы не станем кодом. Мы пройдем эти экзамены так, чтобы он не нашел к чему придраться, но при этом сохраним свои каналы.

— Это фазовый переход, Макс, — Лейла посмотрела мне в глаза. — При такой нагрузке структура либо меняется, либо разрушается. Надеюсь, мы выберем первое.

Но в глубине души я понимал: система уже начала нас «оптимизировать». И экзамены были только началом процесса, из которого мы могли выйти совсем другими людьми. Или не выйти вовсе.

Глава 8. Отношения.

Наш загородный дом, обычно островок спокойствия, превратился в филиал лаборатории. В три часа ночи воздух в гостиной был пропитан запахом холодного чая и озона от работающих планшетов. На столах — горы справочников по матанализу, распечатки с теорией вероятностей и наши браслеты, которые мы сняли на зарядку, и теперь они мерцали тусклым, тревожным светом.

Лейла сидела в кресле, откинув голову назад. Её глаза были закрыты, а дыхание — тяжелым, прерывистым. Она выглядела как разряженный аккумулятор.

— Хватит, Макс, — прошептала она, не открывая глаз. — Мы зациклились. Мы повторяем одно и то же уравнение пятый час. Это уже не подготовка, это мазохизм.

Я не поднял головы от чертежа, с силой надавив на карандаш.

— Если мы остановимся, мы просядем по баллам, — мой голос звучал глухо, как будто из-под воды. — Ты слышала куратора. Он только и ждет, чтобы мы оступились. Если мы не покажем идеальную кривую роста показателей, он начнет копать под нас.

— Пусть копает! — Лейла резко открыла глаза, и я увидел в них искры настоящей злости. — Мы не машины, Макс. Мы люди. Ты пытаешься превратить нас в идеальные системы

с нулевой погрешностью, но ты не замечаешь, что сам уже перестал быть человеком. Ты стал просто ещё одной частью этого алгоритма, который нас давит!

Она встала, её кашемировый свитер слегка помялся. Она подошла ко мне и с силой захлопнула мой планшет. Удар получился громким, как выстрел в тишине дома.

— Мы не для этого всё начинали, — её голос дрожал от сдерживаемых слез. — Мы хотели защитить этот мир, а не стать его рабами. Если мы сломаемся сейчас, какая разница, какие баллы мы получим на чертовом экзамене?

— Ты не понимаешь, — я поднялся, чувствуя, как в груди нарастает пульсация, синхронная с миганием браслетов. — Это не про баллы. Это про контроль. Если я отпущу контроль сейчас, всё, что мы построили, — вся эта защита, все наши попытки удержать Энтропию — всё это развалится. Я не могу себе позволить быть слабым.

— Слабость — это не значит отдохнуть, — Лейла сделала шаг ко мне, её лицо было бледным в свете мониторов. — Слабость — это продолжать бежать в стену, надеясь, что она подвинется. Макс, посмотри на себя. Ты не контролируешь систему. Ты просто боишься, что без этого контроля ты никто.

— Я делаю то, что нужно для нашего выживания!

— Ты делаешь то, что от нас требует куратор! — крикнула она. — Ты играешь по его правилам. Ты стал именно тем, кем он хотел нас видеть — предсказуемым, послушным, ра-

ботающим на износ инструментом.

Я замолчал. Её слова ударили сильнее, чем любая критика. Внутри меня что-то дрогнуло — не от злости, а от осознания того, насколько она была права. Мой «контроль» превратился в тюрьму.

— Уходи, — тихо сказал я, отвернувшись к окну. — Если ты хочешь отдохнуть — иди. Но я не могу остановиться.

Лейла долго смотрела мне в спину. Я чувствовал её взгляд, чувствовал её боль, но не мог заставить себя обернуться. Я боялся, что если я посмотрю на неё, то признаю: мы проигрываем не куратору, а самим себе.

Дверь хлопнула, и в библиотеке снова стало тихо. Только треск поленьев в камине и мерное гудение браслетов на столе. Я снова открыл планшет. Уравнения плыли перед глазами, но я заставлял себя смотреть на них, до боли сжимая пальцы. Я был один против всего мира, и это было единственное состояние, в котором я хоть что-то понимал.

Глава 9. Может отдохнуть.

На следующее утро в школьном коридоре воздух казался наэлектризованным. Мы с Лейлой шли в паре шагов друг от друга, но между нами лежала пропасть, которую не могли заполнить даже наши браслеты. Обычно мы шли синхронно, как два узла одной цепи, но сейчас я чувствовал, как её ментальный канал закрыт наглухо. Она выстроила вокруг себя «файрвол», который я не имел права пробивать.

Арц, Коля, Василина и Серый ждали нас у входа в лабораторию физики. Взгляд Арца скользнул по нам, и его обычная беззаботная улыбка сменилась выражением настороженности.

— Чё за похоронная процессия? — спросил он, прислонившись спиной к шкафу с приборами. — Вы двое выглядите так, будто всю ночь решали уравнения не на бумаге, а в рукопашной схватке.

Лейла остановилась, поправляя воротник своего свитера. Её лицо было бледным, но взгляд — холодным и решительным. — Просто устали, Арц. Хватит искать глубинный смысл там, где есть только накопившаяся бессонница.

Я молча кивнул, глядя куда угодно, только не на неё. Внутри меня всё еще горел тот спор. «Ты стал инструментом», — её слова крутились в голове, как заевшая пластинка. Каждая попытка оправдать свою одержимость разбивалась об

эту простую истину.

— Устали... — протянул Коля, поправляя очки. — Мы все устали. Уровень кортизола в крови скоро превысит критическую отметку для нормальной когнитивной деятельности. Если мы не снизим темп, результат на экзаменах будет обратным ожидаемому.

Мы вошли в класс. Урок «Инженерного практикума» прошел как в тумане. Мы работали с прототипами, собирали платы, настраивали сенсоры, но внутри нас не было той слаженности, которая всегда отличала нашу пятерку. Мы стали как разрозненные детали, которые пытаются сцепить друг с другом принудительно.

Когда прозвенел звонок и мы, наконец, остались одни в кабинете, Арц решительно стукнул кулаком по столу.

— Всё. Хватит этого цирка, — он обвел нас всех взглядом. — Мы тут превращаемся в какие-то говорящие калькуляторы. Слушайте, через неделю всё закончится. Эти чертовы промежуточные экзамены — и всё. Мы свободны до следующего семестра.

Он сделал паузу, его глаза хитро блеснули. — Мне уже восемнадцать, вам тоже. У меня есть на примете одно место... подальше от этого города, подальше от всех этих «инженерных» заскоков и кураторов с их проверками. Давайте устроим нормальный выезд. За город, в старый дом у озера, о котором я говорил. Просто вырубим браслеты, выпьем, отпразднуем то, что мы еще не сошли с ума, и просто побудем

людьми.

Василина посмотрела на меня, потом на Лейлу. В этой тишине чувствовалось, как медленно отступает напряжение.

— Звучит как план, который спасет наш рассудок, — тихо сказала Василина.

Лейла впервые за утро посмотрела мне в глаза. В её взгляде всё ещё была обида, но к ней примешалось что-то мягкое, похожее на облегчение. — Нам правда нужно хотя бы на пару дней перестать быть «операторами», — произнесла она.

— Я «за», — сухо добавил Серый, который до этого момента казался полностью погруженным в свои мысли. — Мне нужно перезагрузить систему. Мои фильтры начали пропускать слишком много шума.

Я посмотрел на них всех. На Лейлу, на Арца, на Серого, который всегда был нашим якорем. Я осознал: если я сейчас откажусь, я окончательно потеряю их. Я потеряю то, ради чего вообще всё это затеял.

— Хорошо, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Сдадим экзамены. А потом... потом мы просто уедем.

Арц довольно усмехнулся и хлопнул меня по плечу. — Вот это правильный инженерный подход. Сначала — выполнение задачи, потом — празднование победы. Только без чертежей и частотных модуляторов. Поняли?

Все закивали. Мы выходили из класса, и впервые за долгое время я почувствовал, что у нашего «кода» появилась

цель, которая не связана с бесконечной борьбой с Энтропией. Мы всё ещё были инженерами, но, возможно, именно это «обычное» человеческое желание отдыха и было тем самым недостающим компонентом, который поможет нам выжить.

Но где-то в глубине сознания, там, где пульсировал кристалл браслета, закралась тревожная мысль: позволит ли нам система уйти? Или она приготовила для нас сюрприз прямо на день экзаменов?

Глава 10. Экзамены.

Неделя экзаменов пролетела как один затянувшийся квантовый скачок. Мы жили в состоянии постоянной боевой готовности: бесконечные листы с логарифмическими уравнениями, алгоритмические задачи по информатике, которые требовали нестандартного мышления, и физика, где каждый вопрос был пропитан невидимым давлением куратора. Мы выходили из аудиторий выжатыми, бледными, с тем характерным взглядом «в никуда», который бывает у людей, слишком долго смотревших в код реальности.

Куратор не сводил с нас глаз. Каждый раз, когда мы сдавали бланки, он будто бы сканировал наши мысли, пытаясь уловить хоть один признак «нестатного» использования браслетов. Но мы были осторожны. Мы научились играть по их правилам: использовали ровно столько способностей, сколько нужно, чтобы быть идеальными, но не выдавать своего истинного потенциала.

Наконец, в пятницу, когда прозвенел звонок по последнему экзамену, в тишине класса зависло напряжение, которое, казалось, можно было потрогать руками. Мы не переглядывались. Мы просто медленно встали, сдали бланки и вышли из школы, не оглядываясь.

Только за воротами, когда свежий, холодный вечерний воздух ударил в лицо, мы поняли, что это всё. Мы не умерли.

Мы не провалились. Мы выжили.

— Ну что, господа инженеры, — Арц нарушил тишину, его голос звучал почти как в старые добрые времена, — теперь наша единственная задача — восполнить все запасы калорий и нервов, которые мы потратили за эти адские семь дней.

Мы зашли в большой круглосуточный супермаркет, который казался нам теперь чем-то вроде святилища нормальной, приземленной жизни. Здесь не было графиков, здесь не было давления системы, здесь были только ряды полок с едой. Мы двигались между стеллажами как пришельцы, ошеломленные обыденностью происходящего.

— Так, — скомандовал Коля, который по привычке уже начал планировать «операцию». — Нам нужен фундамент. Картошка. Много картошки. И чтобы она не была как пластик, берем фермерскую.

Мы набирали продукты, как будто это были детали для важнейшего проекта в нашей жизни. Лейла взяла на себя овощи для салата — помидоры, огурцы, зелень, — и я поймал себя на том, что с нежностью наблюдаю за тем, как она выбирает продукты. Напряжение между нами всё ещё было, но оно начало таять под грузом общей победы.

— Курица, — Арц уверенно двинулся к охлажденку. — Берем две. Замаринуем с травами. Серый, не стой столбом, вези корзину сюда.

Серый молча подкатил тележку, наполненную продукта-

ми. Он выглядел почти расслабленным, что было само по себе достижением для этой недели.

— И самое важное, — Лейла подошла к отделу с напитками. Она обернулась к нам, и в её глазах впервые за неделю блеснули те самые искры, которые я так ценил. — Нам нужно что-то, чтобы отметить этот... «выход из системы».

Мы взяли несколько бутылок вина — сухого, терпкого — и качественного пива. В этот момент мы не были «инженерным классом». Мы не были защитниками реальности от Энтропии. Мы были просто пятью молодыми людьми, которым по восемнадцать, и которые наконец-то могли позволить себе роскошь быть никем, кроме самих себя.

Когда мы выходили из магазина, нагруженные пакетами, я посмотрел на небо. Оно было глубоким, звездным, и в эту минуту мне казалось, что никакая тень, никакая Энтропия не может достать нас здесь, в нашей маленькой, обычной, человеческой радости.

— Ребята, — сказал я, когда мы уже садились в машину. — Давайте сегодня забудем про все проблемы. Просто на одну ночь.

Арц довольно усмехнулся: — Да я уже начал это делать. Мы ехали прочь от города, и я чувствовал, как с каждым километром, отделяющим нас от Москвы, тяжесть, давящая на плечи, становилась чуточку легче. Завтра нам предстояло

снова столкнуться с реальностью, но сегодня... сегодня мы принадлежали только себе.

Глава 11. Последний тост перед тишиной.

Дом встретил нас гулким эхом и запахом хвои. За городом воздух был настолько чистым, что поначалу даже кружилась голова. Мы занесли пакеты в просторную кухню, объединенную с гостиной. Огромные окна выходили прямо на спящий лес, который казался черной стеной, отгородившей нас от остального мира.

Арц, сбросив пальто, тут же взял на себя роль «главного по кухне». — Так, народ, без паники! — провозгласил он, нацепив нелепый фартук, который нашел в ящике. — Сейчас будет мастер-класс сибирской кухни. Картошечка по-деревенски, курица в специях и салат, который вернет вам желание жить.

Девчонки — Василина и Лейла — устроились с бокалами вина на кухонном острове, о чем-то оживленно переговариваясь. Их смех, чистый и искренний, непривычно звенел в этом пространстве. Они обсуждали не графики и частоты, а что-то совсем обычное, девичье — возможно, планы на каникулы или то, как странно изменились наши одноклассники за этот год.

Я, Коля и Серый встали у плиты. Для нас это была почти что привычная инженерная задача: правильно рассчи-

тать время запекания, чтобы курица была сочной, и проследить, чтобы картошка не подгорела. — Термодинамический баланс важен даже здесь, — пошутил Коля, аккуратно переворачивая куски мяса. — Главное — не перегреть, — буркнул Серый, мастерски орудуя ножом. — Если будет избыток тепла, структура волокон разрушится.

В какой-то момент я поймал себя на том, что просто смотрю на них. Мы были как пазл, который долго не могли собрать, а теперь он наконец встал на место. Я чувствовал, как браслет под свитером слегка греет запястье — словно он тоже «отдыхал», перейдя в режим глубокого сна.

Когда еда была готова, стол накрыли быстро. Мы открыли пиво и вторую бутылку вина. Разговоры стали громче, шутки Арца — всё более нелепыми и смешными. Он травил байки про свою сибирскую родню, про охоту, про то, как «настоящие мужики справляются с холодом». Мы смеялись до боли в животе, перебивая друг друга, забыв про все условности.

— За нас! — Арц поднял бокал, в котором пенилось пиво. — За то, что мы не сгорели на этой чертовой физике! — За то, чтобы куратор подавился своими тестами! — подхватила Василина, чокаясь с Колей.

Мы пили легко, не считая бокалы. Вино и пиво смешивались, создавая странный, пьянящий коктейль, который размывал границы реальности. В какой-то момент я почувствовал, что стены гостиной начали едва заметно «плыть». Сначала я списал это на алкоголь, но потом заметил: Коля вне-

запно замолчал, глядя в одну точку, а Лейла медленно опустила бокал, её пальцы разжались.

— Что-то... что-то голова кружится, — пробормотал Арц, пытаясь потряхнуть головой, но его движения были медленными, точно в замедленной съемке.

— Странно, — сказала Василина, и её голос прозвучал как эхо в тоннеле. — Мы же только... начали.

Мои собственные мысли стали вязкими, как патока. Я попытался встать, чтобы поддержать Лейлу, которая пошатнулась, но пол под ногами ушел в сторону. В голове возник гул — тот самый скрежет металла, который я слышал во сне.

— Ребята... — попытался позвать я, но голос прозвучал чужим.

Мы были все вместе, в одной комнате, под защитой этого дома, но я чувствовал, как нас накрывает темная волна. Это было не похоже на обычное опьянение. Это было похоже на то, как будто кто-то выдергивал штекеры из наших нервных систем.

Лейла повалилась на плечо Арцу. Серый, стоявший у края стола, медленно сполз вниз, не издав ни звука. Я попытался сфокусировать взгляд на своем запястье, надеясь увидеть хоть какой-то сигнал браслета, но металл лишь тускло блеснул в отражении пламени камина и погас.

— Мы... должны... — прошептал я, но ноги окончательно отказали.

Мир схлопнулся. Сначала исчез свет, потом звук, а затем

и ощущение пола под руками. Мы падали вместе — пять точек, чья связь только что была разорвана кем-то невидимым и очень сильным. Последнее, что я помню перед тем, как темнота стала абсолютной — это лицо Лейлы, в глазах которой отразился не страх, а глубокое, звенящее удивление.

Мы заснули, так и не дождавшись рассвета.

Глава 12. Что - то не так.

Первое, что я ощутил, — это отсутствие веса.

Обычно, когда просыпаешься, ты чувствуешь тяжесть одеяла, давление подушки под головой, пульсацию крови в висках. Здесь не было ничего. Я словно завис в чернильной бесконечности, где понятия «верх» и «низ» потеряли всякий смысл. Я попробовал пошевелить рукой, но движения не было — не потому, что мышцы атрофировались, а потому, что само пространство вокруг меня было лишено сопротивления.

— Сон, — прошептал я, и мой голос прозвучал странно, как будто он не исходил из горла, а просто возник из пустоты. — Это просто остаточный эффект вина и перегрузки. Сейчас я открою глаза, и увижу лицо Лейлы, и услышу храп Арца.

Я зажмурился так сильно, что перед глазами заплясали искры, а потом резко открыл их.

Ничего не изменилось. Вокруг меня была лишь абсолютная, давящая темнота. Я попытался вспомнить вкус еды, запах хвои в доме, тепло камина, но воспоминания таяли, как дым на ветру. Я будто терял свои файлы, одну за другой. Имя «Лейла» отозвалось в сознании глухой болью, но я уже не мог вспомнить цвет её глаз или звук ее смеха.

— Это нереально, — сказал я громче, пытаясь нащупать

опору. — Это просто нейронный сбой. Синхронизация кристалла... она дала критический отказ. Я сейчас вернусь. Я обязан вернуться!

Паника начала подниматься волной — холодной, липкой и абсолютно чужеродной. Я попытался активировать браслет, но рука... ее не было. Я не чувствовал своего тела. Я был лишь точкой сознания, запертой в вакууме.

— Ты ищешь то, чего больше не существует, — голос прозвучал не снаружи, а прямо у меня в голове. Он был сухим, как треск старого пергамента, и холодным, как межзвездная пустота. — Ты пытался выстроить порядок там, где царит распад. Глупо.

— Кто здесь? — я попытался крикнуть, но звук утонул в пустоте. — Где мои друзья? Где Лейла?

— Они — часть того, что было стерто, — голос стал насмешливым. — Вы все были слишком сложными переменными для этого уравнения. Вы пытались сопротивляться энтропии, но в итоге лишь ускорили процесс. Система «очистила» себя от вас. Вы — программный мусор, Максим. Статистическая погрешность, которую необходимо было удалить.

Я почувствовал, как внутри меня что-то обрывается. Стерли? Нет, это невозможно. Мы инженеры, мы контролировали частоты, мы защищали реальность!

— Ты лжешь! — взревел я, собирая остатки своей воли в кулак, которого у меня не было. — Мы были здесь! Мы пили

вино, мы смеялись, это было по-настоящему!

— Реальность — это то, что остается после того, как все процессы приходят в состояние покоя, — ответил голос. — А вы... вы были лишь кратковременным возмущением. И теперь наступила тишина.

Прямо передо мной, из самой ткани этой темноты, начала формироваться фигура. Она не была черной, она была отсутствием всего. Силуэт, прорезающий пространство, словно нож, проходящий сквозь бумагу. Высокий, неестественно тонкий, с очертаниями, которые постоянно смазывались, если пытаться сфокусировать на них взгляд. Темный, бесконечно далекий и в то же время находящийся прямо в центре моего разума.

Он сделал шаг, и пространство вокруг него пошло рябью, как поверхность воды, в которую бросили камень.

— Я не дам вам стереть нас, — прошептал я, хотя сам уже начинал сомневаться, кто я такой. — Если это уравнение, то я в нем — ошибка, которую невозможно исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.